

УДК 81'374:811.161

Т. Г. ТРОФИМОВИЧ

СЛОВАРИ ЯЗЫКА ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ И РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Автор рассуждает о возможных путях развития восточнославянской исторической лексикографии, обращаясь к перспективному, на его взгляд, в научном и общекультурном значении словарям языка отдельных памятников письменности.

Ключевые слова: памятник письменности, историческая лексикография, словарная статья, древнерусский язык, старорусский и старобелорусский языки.

*Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть...*

С. Я. Маршак

К настоящему времени восточнославянская историческая лексикография достигла очевидных успехов. Они стали возможными благодаря целенаправленной и систематической работе и отдельных авторов, и целых научных коллективов. В течение последних десятилетий начали издаваться исторические словари, научное и культурное значение которых трудно переоценить. Традиции исторической лексикографии, основанные А. Петровым в «Опыте словаря древних славянских слов и речений» (1831), И. И. Срезневским в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (т. 1–3, 1893–1912), А. Л. Дювернуа в «Материалах для словаря древнерусского языка» (1894), оказались продолженными в новых условиях и на новом уровне. В последние десятилетия увидели свет такие фундаментальные труды, как «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Гістарычны слоўнік беларускай мовы», «Словник староукраїнської мови XIV–XV вв.». Не так давно начато издание «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (в. 1, СПб., 2004), «Словаря промысловой лексики северной Руси XV–XVII вв.» (в. 1, СПб., 2003), многочисленных исторических региональных словарей. Опубликован проект «Словаря русского языка XIX в.» (СПб., 2002). В 2013 г. вышел «Падручны гістарычны слоўшк субстантыўнай лексікі» в двух томах под редакцией А. Н. Булыко.

Таким образом, историческая восточнославянская лексикография активно развивается, занимая все новые и новые позиции. Это, однако, не означает, что нет нерешенных проблем, что все доступное исторической ретроспективе лексико-фразеологическое богатство восточнославянских языков зафиксировано. Наметим одно из важных, на наш взгляд, направлений развития этой области лингвистического знания.

Историческая лексикография вплотную приблизилась к тому, что стало необходимым создание словарей языков отдельных памятников письменности. Ответ на вопрос о том, что такое *памятник письменности*, находим в «Словаре русского языка»: *памятник – (3) сохранившийся предмет культуры прошлого, произведение древней письменности* [1, т. 3, с. 15]. Следовательно, объектом лексикографической фиксации в таком случае становится тот или иной письменный источник.

В настоящее время признание одной из главных ролей памятников письменности в изучении истории восточнославянских языков является аксиоматичным. На это неоднократно указывали Н. Н. Дурново, А. И. Соболевский, В. О. Ключевский, Е. Ф. Будде, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин, В. М. Живов, В. Б. Крысько, В. В. Колесов и многие другие исследователи [2, с. 21]. Выявлен и описан состав дошедшего до нас письменного наследия прошлого. Сведения об этом содержатся почти в каждой работе по истории русского, белорусского или украинского языка. При этом историческое языкознание не только фиксирует факт существования памятника письменности, но и стремится оценить его место в составе текстовых источников, а также то, какие языковые черты в нем зафиксированы.

Попытаемся проиллюстрировать сказанное. Так, например, известная надпись на Тмутараканском камне (возможна иная орфография прилагательного!) 1068 года представляет собой одно предложение о том, что князь Глеб по льду измерял ширину Керченского пролива. Историкам языка известно, что в надписи использована «новая» форма перфекта без связки, а также правописное оформление слова (*но*) *леду* означает отсутствие в корне редуцированного гласного *ь*. С точки зрения словарного состава самостоятельного интереса надпись не представляет, поскольку она лаконична, а ее словарный состав может быть описан в пределах статьи и в особой лексикографической фиксации не нуждается. Это же можно сказать и о таких, например, памятниках письменности, как *Надпись на кресте Евфросинии Полоцкой 1161 года*, *Данная грамота Спасо-Хутынского монастырю 1192 года* или берестяная грамота, например, № 422 XII века. Эти и многочисленные другие письменные источники, незначительные по объему, делают их отдельную лексикографическую фиксацию нецелесообразной.

Сказанное не касается тех памятников письменности, которые по объему выходят за пределы упомянутых. Обратимся для примера к такому древнерусскому источнику, как *Русская Правда* (встречается и написание *Русская правда*). Известно, что это крупнейшее юридическое произведение Древней Руси, при этом оно целиком основано на судебной практике восточных славян X–XII вв. Существует более 110 списков этого документа, принято также различать три его редакции: краткую, пространную и сокращенную [3, с. 18]. Объем разных редакций большим не назовешь, потому что краткая и сокращенная редакция – это 2–3 страницы текста в книге обычного формата, пространная – 11 страниц [4, т. 1, с. 73–230]. Однако перед нами не надпись или короткая грамота.

Решающим фактором в установлении того, что *Русская Правда* может претендовать на отдельную лексикографическую фиксацию своего словарного состава является не только объем источника, но и его роль в социокультурных процессах своего времени. После открытия *Русской Правды* в 1738 году В. Н. Татищевым историки вообще и историки государства и права в частности постоянно подчеркивали роль этого свода законов в социально-экономическом развитии Древней Руси (Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, С. В. Юшков и др.). Лингвистами высоко оценен язык *Русской Правды*, его роль в истории восточнославянских языков (С. П. Обнорский, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин и др.). Следовательно, обратившись к *Русской Правде*, мы вступаем в контакт с письменным источником, который по объему, социокультурной и лингвистической значимости заслуживает пристального внимания. Именно эти заслуги делают целесообразным лексикографическую фиксацию словарного состава памятника и создание «Словаря языка Русской Правды».

Таким образом, отдельный памятник письменности может стать объектом исторической лексикографии, если по объему, социокультурной и лингвистической сущности является значимым.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают группы памятников письменности одного и того же жанра. Каждый источник может быть незначительным по объему, но его жанровая принадлежность, равно как и территория создания, обеспечивают лингвистическую репрезентативность текстов. Жанр памятника письменности подразумевал использование определенного набора языковых средств, в том числе слов и фразеологизмов, а территория создания способствовала отражению региональных особенностей языка. Обратимся к таким документам.

В октябре 2016 года в Центральной научной библиотеке имени Якуба Коласа НАН Беларуси состоялась презентация нового фундаментального двухтомного издания «Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в». Подготовили его российские и белорусские ученые, представители Института славяноведения Российской академии наук (РАН), Института российской истории РАН, Центральной научной библиотеки НАН Беларуси, Института истории НАН Беларуси, исторического факультета Белорусского государственного университета, Российского государственного архива древних актов.

В истории восточнославянских народов и историческом языкознании полоцкими условно называются документы, относящиеся по содержанию ко времени существования Полоцкого княжества. Известно, что это княжество существовало сначала в составе Древней (Киевской) Руси, а затем с конца XIV века надолго вошло в состав Великого Княжества Литовского [5, т. 47, с. 366–368].

Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. образуют сборник документов, впервые изданный Институтом истории СССР АН СССР в Москве (вып. 1–5, 1977–1985 гг.) [6]. Этот сборник содержит 325 документов периода 1263–1513 гг. из архивов Риги, Геттингена, Варшавы, Гданьска, Москвы. Написаны эти документы на древнерусском, старобелорусском, немецком, латинском и польском языках. Они имеют большое значение не только для изучения истории Полотчины, но и для исследования восточнославянского лингвогенеза.

Среди Полоцких грамот подавляющее большинство написано на древнерусском и старобелорусском языках: из 325 документов 22 немецкоязычных, 7 латинских и 4 польских [6, с. 6]. В сборнике представлены разные виды грамот: жалованные, данные, договорные, купчие, уставные, верительные и др. Известно также, что в древности, начиная с древнерусского периода (первая фиксация 945 года), *грамотой*, кроме всего прочего, называли любой документ [7, т. 4, с. 119]. Однако характер собранных источников, их объем позволяет говорить о жанровом сходстве. Следовательно, в случае создания «Словаря языка Полоцких грамот XIII – начала XVI вв.» мы получим лексикографический источник, в котором найдем богатый словарный материал древнерусского и старобелорусского языков.

Словари одинаковых или близких по жанровой и территориальной или только по жанровой принадлежности памятников письменности могут стать значимыми лексикографическими событиями. Полагаем, что несомненный интерес историков русского и белорусского языков вызвали бы такие работы, как, например, «Словарь языка старобелорусских актов книг городских магистратов», «Словарь языка актов книги Полоцкого магистрата 1650 года», «Словарь языка старорусских крестьянских челобитных», «Словарь языка договоров Руси с Византией X века» и под. Понятно, что создание таких словарей потребует многих усилий, но эти усилия компенсируются полученными знаниями и собранными материалами.

В рамках настоящей публикации мы рассуждаем о словарях отдельных памятников письменности, по умолчанию подразумевая, что это будет фиксация не только слов, но фразеологизмов, их включающих. Подобная практика восточнославянской и мировой лексикографии является традиционной и общепринятой. Если речь идет о фиксации фразеологических единиц того или иного памятника письменности, есть основания думать о том, что включенными в словарь могут оказываться устойчивые единицы различной степени фразеологизации. При этом следует учесть существующие подходы к историко-лингвистической трактовке и оценке упомянутых единиц.

Объемы существующих и продолжающих выходить исторических словарей не позволяют зачастую включать все устойчивые выражения, находящиеся в картотеках. Иногда составители словарей не считают их устойчивыми и поэтому оставляют без фиксации. Например, при подготовке одной из публикаций по исторической фразеологии автор этих строк вместе со своим соавтором Н. В. Полещук обратился к «Картотеке исторического словаря белорусского языка» и обнаружил довольно много не отраженных в издании словаря фразеологизмов с компонентом *Богъ* [8]. Если же говорить о создании словарей языка отдельных памятников письменности, то возможностей фиксации устойчивых единиц в них будет больше.

Каков может быть общий вид словарей языка отдельных памятников письменности? Начинаться они должны с предисловия, в котором будет содержаться легенда письменного источника с характеристикой его социокультурной роли, языковой ценности и значимости.

Словарные статьи целесообразно строить с учетом общеизвестных традиционных подходов. На них мы останавливаться не станем. Попытаемся наметить некоторые специфические особенности. Думается, что идеальным дополнением информационного потенциала словарной статьи должны стать количественные показатели употребления лексемы в анализируемом памятнике. Это необходимо по многим показателям: оценка общей частотности лексемы, частотности в памятниках подобного типа или жанра и т. д.

Словарей языка отдельных письменных источников пока немного, но они есть. Характер их построения, равно как и структура словарных статей проверены временем и научной практикой. Историкам восточнославянских языков и литературоведам хорошо известен «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» [9], который в известном смысле можно считать образцом «индивидуальной» исторической лексикографии.

Во вступительной статье разъяснено назначение словаря-справочника, указаны и кратко охарактеризованы его источники, причем не только русских, но и иностранных авторов. В разделе «Состав словаря» справедливо оговаривается, что не все слова «Слова о полку Игореве» имеют для издания одинаковую ценность, поэтому на те лексемы, которые больше всего затруднительны исследователю, составляются особенно подробные статьи [9, с. 6]. Указывается также, что в словарь заносятся имена собственные, разные лексические формы одних и тех же слов, фразеологизмы [9, с. 7].

Отдельно оговаривается то, каким образом осуществляется цитирование источников. Указано, что, по возможности, приводятся все цитаты из «Слова», а также цитаты из других памятников письменности. В смысле цитирования упомянутый словарь полностью сориентирован на традиции исторической лексикографии: слово, значение, хронология существования, фразеологические единицы, включающие его, и т. д. Подробно рассмотрено то, как осуществлена орфографическая унификация цитатного материала, как строится словарная статья. Одним словом, «Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”» может послужить хорошим образцом возможных словарей языка отдельных памятников письменности.

Читатель этих строк может возразить против самой идеи создания таких словарей, приводя в качестве аргументов то, что историку языка и делать самому почти ничего не нужно: слова-де собраны, посчитаны, примеры их использования есть, фразеологизмы тоже есть, семантика слов и фразеологизмов установлена. Между тем, самостоятельный сбор зафиксированного в таких словарях материала, как известно, требует значительных исследовательских усилий. Действительно, наличие словарей языка отдельных памятников письменности в известном смысле освобождает историка языка от значительной по объему работы, но зато позволит ему больше исследовательского внимания уделить анализу языкового материала, увеличит объем этого материала.

Таким образом, создание словарей языка отдельных памятников письменности целесообразно с научной точки зрения, практически оправдано и перспективно. Лексикографическая фиксация «древней повести» не просто может, но и должна осуществляться.

Список использованных источников

1. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т русск. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984. – Т. 1–4.
2. Копосов, Л. Ф. Лингвистическое источниковедение: история и современное состояние / Л. Ф. Копосов // Вестник Московск. гос. обл. ун-та. Серия: Русская филология. – 2012. – № 3. – С. 20–24.
3. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской Правды / М. Н. Тихомиров. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1953. – 192 с.
4. Памятники русского права : в 8 вып. – М. : ГИЮЛ, 1951–1963. – Вып. 1–8.
5. Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского; издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (СПб.). – СПб. : Семеновская типо-литография, 1890–1907. – 87 т.
6. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. : в 5 вып. / сост. А. Л. Хорошкевич. – М. : Ин-т истории СССР, 1977–1985.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 25 вып. / Рос. акад. наук, Ин-т русск. яз. им. В. В. Виноградова; гл. ред. Г. А. Богатова. – М. : Наука, 1975–2000. – Вып. 1–25.
8. Трофимович, Т. Г. «Как тебя Бог милует?»: высшая сила в русской и белорусской фразеологии прошлого и настоящего / Т. Г. Трофимович, Н. В. Полещук // Славянская мифология и этнолингвистика : сб. науч. ст.; редкол.: В. И. Коваль [и др.]. – Гомель, 2015. – С. 249–253.
9. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» : в 6 вып. // АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Ин-т рус. яз.; под ред. Б. Л. Богородского, Д. С. Лихачева, О. В. Творогова. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965–1984. – Вып. 1–6.

Трофимович Тамара Григорьевна, Белорусский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор (Минск, Беларусь).

T. G. TROFIMOVICH

DICTIONARIES OF INDIVIDUAL WRITTEN MEMORIALS AND THE DEVELOPMENT OF THE EASTERN-SLAVIC HISTORICAL LEXICOGRAPHY

The author ponders on possible ways of the Eastern Slavic historical lexicography development by referring to prospective dictionaries of individual written memorials in terms of cultural and scientific value.

Keywords: written memorials, historical lexicography, lexical entry, Old Slavonic language, Old Russian language, Old Belarusian language.